

СЕДЬМОЙ ВОПРОС

Ричард Флэнаган

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Ф69

Richard Flanagan

Question 7

Copyright © 2023, Richard Flanagan

All rights reserved

Перевод с английского *Алякринского Олега*

Флэнаган, Ричард.

Ф69 Седьмой вопрос / Ричард Флэнаган ; [перевод с английского О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-206589-7

Через роман Герберта Уэллса и Ребекки Уэст, через ядерную физику 1930-х годов и отца Флэнагана, работающего недалеко от Хиросимы, эта цепочка событий достигает кульминации, когда молодой человек оказывается в ловушке у устья бурной реки, не зная, как ему жить дальше.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Алякринский О.,

перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-206589-7

Посвящается Филу Каллену

Автор не приложил усилий для того, чтобы узнать, является ли это историей, автобиографией, географическим справочником, трагедией, романом, альманахом, мелодрамой или фантазией. Это может быть чем угодно, а может, и нет. Вопрос задан, но где ответ?

«Хобарт таун меркюри»,
рецензия на «Моби-Дик», 1851 г.

«Нет, это не фортепьянная пьеса, это греза».

Дюк Эллингтон

Глава 1

1

Зимой 2012 года, вопреки всякому здравому смыслу и по причинам, которые не имели прямого отношения к *писательству* — сколько бы я ни утверждал обратного — и которые даже теперь остаются для меня неясными, я посетил место расположения лагеря Охама в Японии, где когда-то находился в плену мой отец. Это был очень холодный, ветреный день, и железное небо нависало зловещим полотнищем над Внутренним морем, под которым мой отец когда-то трудился в угольной шахте как бесправный раб.

От лагеря ничего не осталось.

Хотя у меня не было на то ни малейшего желания, меня отвели в местный музей, где весьма любезная женщина показала мне множество фотографий, в подробностях запечатлевших историю угольной шахты начала XX века — ее развитие, производственные процессы, японских рабочих.

Фотографий рабов в ее подборке не оказалось.

Женщина была сама доброта и, как говорится, *кладезь знаний* о местной истории. Она никогда не слыхала о рабском труде на угольной шахте Охамы. Такое впечатление, что подобного здесь никогда и не было, словно никого здесь не избивали, или не убивали, или не заставляли стоять нагишом под снегопадом, куда люди умирали.

Помню снисходительную улыбку той женщины: улыбку жалости ко мне, полагавшему, будто на угольной шахте Охамы когда-то использовался рабский труд.

2

Иногда я задаюсь вопросом: почему мы постоянно возвращаемся к началу — почему мы ищем единственную нить, с помощью которой, если потянуть, можно распустить весь гобелен, называемый нами жизнью, в надежде, что позади него мы обнаружим правдивые ответы на вопрос *почему*.

Но правды нет. Есть лишь *почему*. И если присмотреться повнимательнее, мы увидим, что это *почему* — лишь очередной гобелен.

А позади него — еще один, и еще, и так будет, покуда мы не достигнем забвения.

3

В 8:156 августа 1945 года пилот бомбардировщика майор Томас Фирби на высоте 31 тысячи футов над Хиросимой с криком: «Сбрасываю бомбу!» — нажал на кнопку сброса бомбы, и спустя сорок три секунды 60 тысяч человек умерли, а в восьми милях к югу от города мой отец, полуголый раб на четвертый год пребывания в заключении в качестве военнопленного, продолжал свой скорбный труд, толкая тележки с камнями вверх по темным туннелям, протянувшимся под дном Внутреннего моря.

Сломленный, больной, чьи физические и моральные силы были уже на исходе, зная лишь, что, когда в считанные месяцы вернутся зимние холода, он уже не сможет выдержать всего этого и умрет, он понятия не имел, что ему суждено было выжить. Покуда мой отец брел

по сумрачному туннелю шахты, кое-где скудно освещавшемуся тусклыми электрическими лампочками, его собрат-военнопленный тасманиец заметил, что все это напоминало ему родной городишко Пенгуин в пятницу вечером.

4

У главного входа в шахту, где мой отец и его собратья-военнопленные когда-то пробежали мимо охранников, которые избивали их на ходу, теперь располагался уютный отель для кратких свиданий. Здесь не было ни мемориала, ни какого-либо памятного знака и, другими словами, никаких вообще свидетельств того, что здесь когда-то происходило. Только сияла какая-то неоновая вывеска. Это было заведение бизнеса, предоставлявшего услуги поспешного случайного секса в крошечных комнатках — только сексуальный выплеск и намеренно ничего больше. После этого оставалось, или, вернее, существовало, лишь забвение удовольствия в чужих объятиях — то самое забвение, которое одновременно предвосхищает и отрицает смерть. Как будто потребность забывать столь же сильна, как и потребность помнить. Возможно, даже сильнее.

А что после забвения? Мы возвращаемся к историям, именуемым нашими воспоминаниями, спутанными и не связанными с нескончаемыми измышлениями, кои и являются нашей жизнью.

5

В тот холодный ветренный день рядом со мной стоял престарелый японец г-н Сато. Он был низенький и тщедушный, аккуратно одетый в спортивную куртку и че-

ресчур длинные брюки с манжетами, которые с годами стали ему велики. На руках у него были тонкие белые хлопчатобумажные перчатки, и когда он указывал рукой на какую-то давно исчезнувшую приметку лагеря и шахту под ним, я видел тонкую ниточку, свисавшую с окоема перчатки. В каких он был ботинках, я не помню. Голова г-на Сато припала к моей груди. Он жил заботами о дочери, которая, как рассказал мне переводчик, была инвалидом. Г-н Сато когда-то служил охранником в лагере Охама. Он показал мне, где стояли бараки, где была ферма на вершине холма и где располагался вход в шахту на склоне холма, ближе к морю.

Перед нами, к моему замешательству и немому гневу, толпились члены телевизионной съемочной группы и несколько фоторепортеров из местных газет. Мне пришлось задействовать некоторые мои связи, чтобы оказаться у входа в шахту, и каким-то образом об этом прознали местные власти. Не поставив меня в известность, они пригласили сюда представителей прессы. Команде телевизионщиков и фотокорреспондентам нужно было лишь одно: чтобы мы обнялись с г-ном Сато. А они получили бы образ всепрощения, взаимопонимания, времени, которое лечит. Но это, я знаю, была бы ложь. Я не имел намерения прощать.

Время лечит? Время не всегда лечит. Время калечит. Облаченная в белую перчатку указующая рука г-на Сато поднялась, и болтающаяся нитка рассекла холодный мир внизу.

6

Чуть раньше в тот день я встретился с местными жителями деревни — пожилыми людьми, которые во время войны были детьми. Я не хотел с ними встре-

чаться. Я чувствовал — как бы это выразить? — стыд. Возможно, мой стыд заключался в том, что мое возвращение могло быть ошибочно истолковано как месть или гнев. Но я сам не знал, какова была цель моего возвращения. Они в те годы были детьми, а меня тогда еще не существовало. Короче говоря, я чувствовал себя неравноценным ни им, ни их судьбам. Возможно, мне было отчасти стыдно за то, что я сын своего отца, предполагавший, будто его и их история может быть и моей тоже. Я беспокоился, что меня могут принять за незваного призрака, за привидение, наблюдающее за местом нераскрытого преступления, в котором я был замешан. Но призрак кого? Убитого, убийцы, или свидетеля, или всех троих?

Поскольку это была договоренность, достигнутая не мной, я не знал, как ее отменить, никого не обидев. Пожилые жители деревни были дружелюбными, душевными людьми. Рассказывая свои истории о лишениях военного времени, которые они пережили, будучи детьми сельской бедноты, они вспоминали о несоответствии между тем, что говорили им взрослые, и тем, что они видели в детстве, и детская непочтительность звучала в их старческих голосах и угадывалась на их обветренных лицах. Они вспоминали, что когда военнопленные в конце 1944 года высадились в их родных местах, то эти дьяволы, которых их так долго учили бояться, оказались не более чем жалкими, полуголыми скелетами. Помимо жестокости японских охранников, мой отец рассказывал о доброте японских шахтеров, кое-кто из которых, возможно, приходился отцом этим пожилым деревенским жителям, охотно делившимся когда-то своей скудной пищей с голодающими военнопленными.

Окончив школу, я стал работать цепником — так называлась профессия помощника землемера, которой насчитывалось много веков и которая исчезла всего через несколько лет после появления цифровых технологий. В обязанности рабочего-цепника входило перетаскивать двадцатидвухъярдовую¹ цепь с сотней звеньев, с помощью которой измерялось все в окружающем мире. В мое время измерительная цепь представляла собой тонкую стальную ленту длиной пятьдесят метров, но в остальном за прошедшие сто лет в этой профессии мало что изменилось. Цепник по-прежнему носил с собой секатор и топор, чтобы расчищать от кустов и деревьев линии замеров, а также точильный камень и напильник, следя за тем, чтобы и секатор, и топор оставались острыми. Я научился обращать внимание на следы старых замеров, проведенных много десятилетий назад, — разрушенные межевые пирамидки из камней, гниющие колышки или похожие на вувву выросты коры на старых эвкалиптах. С помощью топора я осторожно снимал кору, пока не обнаруживалась глубокая впадинка в форме призмы, искусно вырубленная в стволе дерева давным-давно, иногда более столетия назад. Вершина перевернутой призмы служила землемеру контрольной точкой для его измерений.

Я любовался чудом этой неизменившейся раны, оставшейся точно такой же, как в тот день, когда ее вырубил другой топор. Время не исцелило дерево, а лишь оставило на нем шрамы, скрывая то, что все еще происходило внутри. Ибо под шрамом осталась рана, портал в прошлое, истекающий свежими соками настоящего, в кото-

¹ Длина 22 ярда примерно соответствует 20 метрам. (*Здесь и далее прим. перев.*)

рый, если я буду вглядываться слишком долго, я начну падать. В тот день, когда я стоял перед съемочной группой японского телевидения во главе с девушкой-репортером, вместе с местными фотографами и скучающими журналистами, полными решимости снять единственную историю, имевшую особый смысл, и потом поскорее убраться отсюда, у меня возникло ощущение резкого набора скорости. Мне совершенно не хотелось обнимать г-на Сато. Возможно, он испытывал то же чувство. Но, не желая смущать ни его, ни кого-либо еще, я обнял его, а он меня. Казалось, все остались довольны.

Когда фотосессия и видеосъемка были завершены, я опустил руку. Г-н Сато продолжал прижиматься ко мне. Когда же я отшатнулся, собираясь отойти, его голова, казалось, уткнулась мне в грудь. Так мы и стояли. Возможно, он тоже падал в какую-то бесконечную пустоту, а может, все дело было в холоде. Не знаю. Не могу сказать, что мне нравилось, как он меня обнимал, этот человек, который, возможно, когда-то избивал моего отца, но я не знал, как избавиться от него, как лишить его уютного тепла моего тела. Я подумал о г-не Сато, страдавшем из-за своей дочери-инвалида, и о том, как в конце своей жизни он был справедливо наказан. А потом мне стало стыдно за то, что я так о нем думаю, понимая, что за этой мыслью кроется другая, которую я не хотел признавать. Я повернул голову и стал глядеть на деревья, на эти голые, печальные коряги; земля вокруг них казалась неухоженной и холодной, буйные травы и сорняки выглядели жалкими и заброшенными. Вся тамошняя природа казалась истерзанной и хаотичной, и я каким-то образом стал ее частью. Было слышно, как внизу морские волны набегают и отступают вдоль каменистого берега, как это всегда было раньше и всегда будет, словно они соучаствовали в преступлениях, грехах, любовях и страхах тех,